

Чужая ЖЕНА

АГЛАЯ ОТРАДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аглая Отрада

Чужая жена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67264200

SelfPub; 2022

Аннотация

Разрушить отношения легко, но забыть настоящую любовь трудно. Он годами лелеял душевную боль и жаждал мщения. Чтобы растоптать, унижить ту, которая от него отказалась, предложил контракт на полгода с баснословной оплатой. И хоть ее семейная жизнь была хуже каторги, а первая любовь до сих пор жгла сердце, она никогда бы не согласилась. Если бы не....

Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	39
ГЛАВА 6	47
ГЛАВА 7	56
ГЛАВА 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Аглая Отрада

Чужая жена

ГЛАВА 1

– Алenuшка, ну что ты так долго! Мне ж укол пора делать! Тебя прям за смертью посылать!

– Мам, сейчас. Сегодня очереди сумасшедшие везде. Продукты в холодильник засуну, руки помою и иду.

– Алеш, а ты полосатика к пиву купила? У тебя ж зарплата!

– Рома, сколько раз я должна повторить, чтоб ты не называл меня Алешей! Я не Алеша Попович и я не богатырь! И свою фамилию Попова я по глупости сменила на твою. О чем давно уже глубоко сожалею! – закусываю до боли губу, чтоб не разрыдаться. – Алenuшка, Алеша! Да вы просто издеваетесь! Или вы и вправду считаете, что у меня, как у сказочной Хаврошечки есть волшебная коровушка, к которой я влезаю в волшебное ушко, и у меня все само собой делается?!

Господи, я это сказала?!

– Алenuшка! Не ругайся с мужем! Ты же знаешь, мне нервничать нельзя!

Ну конечно! Если нужно подлить масла в огонь, мама тут как тут! Всем нельзя нервничать. Маме – у нее давление под-

нимается. Мужу – у него язва обостряется! Одной мне все можно! Впахивать на трех работах? Можно! Трястись почти час в бесплатной маршрутке, набитой потными тушками таких же нищевродов, чтоб сэкономить рублей триста? Можно! Тащить десять авосек? Можно!

– Ну я бы мог съездить, но ты ж мне не доверяешь?

– Чтоб ты опять балыков и нарезок купил? Спасибо, дорогой! Мне уже кажется, что лучшее, чем ты мне можешь помочь – не мешай!

– Ты меня упрекаешь? Я мешаю тебе?! Так что мне, пойти утопиться теперь?! Ты этого хочешь?

Я до боли прикусила губу. Десять. Девять. Восемь. Семь. Но не успела я досчитать до единицы, как раздалась трель звонка.

– Кого там еще черти принесли?! – Муж недовольно поморщился.

– Не черти, это баба Катя беспокоится. Я задержалась с уколом. Сейчас открою.

– Ты бы хоть деньги с нее брала! За просто так никто уже ничего не делает, – неслось мне вслед, пока я бежала к двери.

– Баб Кать, простите, сегодня забегалась. Закупалась на оптовке, а там толчея, маршрутки тоже не было. Сейчас я маме укол сделаю и приду.

– Ой, прости, деточка, я просто переживала, вдруг, думаю, какие дела, так я узнаю. А не то позвоню в отделение, девочки за деньги придут уколят.

– Ну какое отделение?! С вашей пенсией еще уколы делать за деньги?! Я и Обормоту мойвочки свежей купила. Сейчас приду.

– Храни тебя Бог, Аленочка! – старушка уцепилась обеими руками за мою кисть, а у меня комок к горлу подступил.

– Идите спокойно. Десять минут – и я у вас.

Я метнулась к своим авоськам – продукты сами в холодильник не влезут.

Но определенно, сегодня был не мой день. Только я зашла на кухню, как муж, решив все-таки помочь, начал открывать холодильник и впечатал свой локоть мне в скулу. Показалось, что искры из глаз посыпались. Господи, мне еще и синяка не хватало! Разобрав пакеты, я отложила Обормотову мойву, сделала маме укол, закинула в мультиварку рис и, едва сдерживая трясучку, ушла к соседке.

Рухнув на стул на ее кухне, я едва не заплакала от облегчения. Обормот, жирный рыжий котяра тут же прыгнул мне на колени, тычась своей наглой мордой мне в лицо. Нервы, готовые лопнуть, как чересчур натянутые струны, чуть-чуть расслабились.

– Баб Кать, поставьте мойву варить, пожалуйста. Я пять минут посижу и сделаю укольчик, – обессиленно простонала я.

– Сиди- сиди, Аленочка! Тут Маруся абрикосовое варенье варила и мне баночку принесла. Сейчас почаевничаем, хоть отдохнешь от своих..., – старушка сделала паузу, из де-

ликатности не договорив то, что думала.

А думала она, что мои домочадцы просто паразиты, которые пользуются меня и в хвост, и в гриву. Я, конечно, с ней не соглашаюсь, но в глубине души чувствую, что петля безысходности затягивается на моей шее все туже и туже.

– Не говорите про паразитов, – я устало улыбнулась и почесала Обормота за ухом. – Они не виноваты, что так получилось.

– Получилось... Ромка твой неплохой человек. Но и хорошего в нем мало. Потому и получилось так, что у тебя добрая душа. Вот они тебя и не жалеют. Ты ж светишься вся! Как тростинка! Ой, чайник вскипел. Доставай ложки, будем пробу снимать.

– Ну что вы! Это же вам принесли. Зимой побалуетесь!

– Деточка, я тебя хочу побаловать. Вдруг я до зимы не доживу, а тебе сейчас вкусненькое надо.

Удивительное дело! С этой милой старушкой я чувствовала то спокойствие и душевное тепло, которого не давали мои родные. Здесь я отдыхала душой.

– Вот не выдумывайте мне тоже! А с кем я чай буду пить? – одернула я старушку, испугавшись, что слова могут материализоваться. – И нельзя так говорить! Не буди лихо, пока оно тихо!

– И все-то ты знаешь, – баба Катя улыбнулась так по-доброму, что у меня сердце сжалось. По факту, она единственный человек, который мне так улыбается. И не потому, что

я ей помогаю, я это твердо знаю.

– Ишь, паразит, хоть бы Аленочке спасибо сказал, – теперь уже порцию внимания получил Обормот, который норовил выхватить рыбу прямо из рук хозяйки. – Горячая еще, не лезь.

Положив три рыбешки в миску, она принялась усиленно дуть на них, чтоб любимец не обжегся. А я подумала, что вот еще один вариант семьи, и далеко не самый худший. Во всяком случае – здесь точно царит любовь. И мне, глядя на ласково ворчащую старушку, совсем не хотелось уходить. Сделав укол, я с удовольствием осталась. И абрикосовое варенье, и чай с травами, которые баба Катя собирает на своей дачке, и жадное урчание Обормота – все это было маленьким кусочком счастья для меня. Немудреного счастья, когда ты улыбаешься просто так и не хочешь, чтоб это кончалось. Но рис, наверно, уже превратился в кашу, так что пора домочадцев кормить.

Тяжко вздохнув, поднялась.

– Баб Кать, я как в гости к родной бабушке съездила. Правда, я не знаю, будь она жива, так ли себя я хорошо чувствовала. Спасибо огромное!

– Это тебе спасибо, спасительница ты моя. Мне тут с утра с бывшей работы подарок принесли. День медика сегодня ж. Но мне оно ни к чему, ума не приложу, кому в голову пришло старухе алкоголь дарить. Не, я не жалуясь. Я от радости всплакнула, что помнят до сих пор. Пятьдесят лет помогала

на свет деткам рождаться. Вот и твоих бы потетёшкала. Да прости меня, Господи, что лезу не в свое дело. Не от Ромки. Не от Ромки, – она сокрушенно покачала головой.

– Я вам всегда буду помогать, а вот с моими вам не суждено потетёшкаться. Никогда. Я бесплодна. Так бывает, – я горько улыбнулась, и в голову пришла мысль, что, может, оно и к лучшему. Ведь с моей жизнью ребенку достанутся лишь жалкие крохи внимания.

– На вот возьми, моя хорошая, будешь вспоминать меня, – баба Катя попыталась сунуть мне в руки красивый бумажный пакет.

– Не буду я ничего брать, – категорично заявила я, отодвигаясь от подарка. – Даже и не думайте!

– Может, тогда вместе? – в глазах старушки мелькнули озорные огоньки.

– Я ж вам уколы делаю! Нельзя с алкоголем! К тому же я не пью!

– А я, значит, алкашка?! И мы чуть-чуть, распробуем. Да и конфетки тут.

Я на мгновение представила, как заявлюсь домой, стану в позу сахарницы и выдвину какой-нибудь ультиматум.

– Ну баб Катя! Толкаете на преступление. Я ж только пробку понюхаю и даже врагу все секреты Родины выдам!

– От умничка!

В пакете оказался самый настоящий «Бейлис», который я несколько раз пробовала. И, в конце концов, надо снять как-

то стресс.

И мы с бабой Катей стали настоящими собутыльниками, вернее, собутыльницами.

Вкусный, похожий на растаявший пломбир с градусами, ликер мягко обволакивал гортань, согревая ее и автоматически отвлекая внимание от всех проблем.

После первой порции я уже улыбалась, а со второй наступила та стадия, когда я готова выболтать все государственные тайны. Собственно, и не тайны, а то, что обычно хранилось за семью печатями. Мне с головой хватало проблем сегодняшних, чтоб не лезть во вчерашний день, где ничего не исправишь.

– Аленочка, прости, что лезу не в свое дело, но душа болит за тебя. Я ж вижу, мучаешься ты с Ромкой. Он трутень, лишний раз не переломится деньги в семью заработать, а ты, как белка в колесе, свету белого не видишь. Я понимаю, мать-инвалида не бросишь, но то одну ее тянуть, а то еще и этого. Уже нашла б себе мужика стоящего. Ты красавица, а годы – то идут. Не успеешь оглянуться, и уже сороковник.

– Баб Кать. Ушла бы. Да идти – то некуда. Маме, когда она в аварию попала, срочно нужны были деньги. На операцию, реабилитацию, лекарства, сиделку, пока я на работе. А я в своей музыкалке гроши зарабатывала. У Ромки таких денег тоже не было. К тому же мотаться два раза в день на другой конец города тоже не радовало. Я приезжала уже выжатая. Вот мы и решили, мамину квартиру продать, а ее забрать

к себе. Так что я к нему теперь привязана крепче канатов.
Квартира-то его.

ГЛАВА 2

– Женушка, а побалууй-ка нас сегодня своим фирменным тортиком!

На удивление жизнерадостный муж жестом фокусника вытащил из своей деловой сумки, которая с тоской вспоминала лучшие времена, зеленую купюру. Целую тысячу рублей. Черт, как хотелось съязвить: «Что, жестянки из-под пива в цветмет сдал?» Но что вы, что вы?! Естественно, наш принц еще до такого не докатился. Откуда деньги? Но я правильная жена, которая и в горе, и в радости, и такого никогда не скажу. Тем более, что повязаны мы квартирным вопросом намертво. Следовательно, чтобы жизнь совсем не превратилась в кошмар, нужно просто соблюдать вежливый нейтралитет.

– Ты заработал деньги? – старательно прячу удивление.

– Да! Щедрая бабулька оказалась, плюс выезд на дом. За пустяковый вопрос тысячу получил.

– Молодец, еще добавлю и на квартплату хватит.

– Нет, Аленка, сегодня мы гуляем! Поэтому нужен торт. Салатики там. Мясо запеки по-французски.

Я устало посмотрела на него. Ну дурачок как есть! Я ему утром сказала, что лишилась работы, а он на тысячу пир надеется устроить.

– Мясо у нас не по-французски, а по-флотски, с макаронами.

нами, и то, после того, как я это мясо сварю в борще. Ром, не впадай, пожалуйста, в детство, мне реально не до глупостей.

– Аленка! Ты не поняла! К нам сегодня Строгов придет! С элитной выпивкой и икрой! Ну и если не зажлобится, то еще деликатесов принесет, чтоб показать, какой он крутой. Поэтому мы должны показать, что у нас и без деликатесов круче, чем у него. Ведь у меня есть ты! Моя Аленушка! Мое сокровище!

Мне показалось, что вся кровь прихлынула к голове, пульсируя адской болью. Отказываясь верить в услышанное, я попыталась говорить спокойно, однако от стресса горло перехватил мучительный спазм, и я едва слышно прохрипела:

– Что ты сказал?!

– Я пригласил Строгова. А что? Он не обижается, что я женился на тебе! Он сам сказал – прошлое должно оставаться в прошлом, и мы ни о чем таком говорить не будем.

– Рома, ты debil?! – мое ангельское терпение, которому позавидовали бы жены декабристов, лопнуло, как воздушный шар, напорвшийся на ветку. Я не употребляла таких слов, но сейчас готова была полностью перейти на лексикон сапожников, строителей и портовых грузчиков. Словно в ознобе, меня начала колотить дрожь. – Нет! Рома, это не вопрос! Ты debil! Ты хоть понимаешь, что ты наделал?! Нет?! Да, мало сейчас осталось таких настоящих, чистопородных идиотов, как ты!

Я схватила стакан воды, вылила туда чуть ли не полпу-

зырька валерьянки и попыталась выпить. Однако удалось это не с первого раза – зубы клацали о стекло, как от лютого холода.

– Куда ты его пригласил?! На нашу кухню? С отбитым кафелем, который я никак не допрошусь тебя приклеить? С некрашеным потолком с облупившейся краской? В прихожую, с обоями, поклеенными сразу после свадьбы? Сука! Чем ты его хочешь удивить?!

– Алена! Ты как можешь на мужа кричать?! Да еще и матом ругаться! Прекрати немедленно! – мама, всегда нюхом угадывавшая напряженный момент, стуча костылями, нарисовалась в проеме кухни.

– Это не маты, но мне кажется, что вы меня доведете до крайности! Ты хоть знаешь, что твой любимый зять учудил?! – в отчаянии выкрикнула я.

– Что бы он не учудил, он мужчина. И на него нельзя кричать! Он мне за всю жизнь слова плохого не сказал, и мамой называет, – мама включила свою любимую пластинку, щедро посыпая солью мою душевную рану.

– Звони немедленно, скажи, что мы не можем принять, мама заболела, – я кинула мстительный взгляд на свою «заботливую» родительницу, наплевав на то, что сейчас «начнется».

– Я не могу позвонить, я не спрашивал телефон. Просто сказал ему адрес и все.

Женщины, когда им тяжело, плачут, у меня даже слез не

было. Я обессиленно опустила на выдавший виды табурет.

– Рома, зачем ты это сделал? Скажи мне, зачем? Ты хоть понимаешь, где он, и где мы? Человек, не глядя, купивший завод, придет на нашу кухню? И мы будем рассказывать, почему мы так живем? Что куча денег уходит на лекарство маме?! Вторая куча – на кредит в банке за твою гениальную идею, которая вернет нам благосостояние? Ты хоть знаешь, как он со мной разговаривал?! – невольно опять в моем голосе сорвались истеричные нотки.

– Он тебя оскорбил?! – мой неконфликтный муж – конформист чуть ли не встал в бойцовскую стойку, пытаюсь изобразить защитника. – Да я ему...

Я машинально прикрыла лицо рукой, чтоб не видеть откровенной глупости, которая сейчас вылезает из мужа. Его «Да я его» было просто смехотворно. Много лет назад Сава одной левой мог навалить ему. А сейчас так тем более.

Где-то в области сердца закололо так, что я несколько секунд не могла вдохнуть как следует, только крошечными порциями осторожно втягивала воздух. До сих пор у меня коленки трясутся, когда вспоминаю сегодняшнее утро.

Я чуть не сползла по стенке, увидев, кто нас купил и кто собирается увольнять. Не могла поверить своим глазам, но пришлось, потому что сердце ухнулось в пятки, задергалось там очумевшим зайцем и кое-как вернулось на место, обливаясь кровью. Только один человек мог дать такую встряску моему телу. Савелий. Моя горькая любовь. Моя боль и мое

короткое счастье.

Теперь он чужой, равнодушный, заматеревший в своей мужественной красоте. Уверенный и холодный. Короткие темно-каштановые волосы, легкая небрежная небритость, усиливающая впечатление властности, правильные черты лица, жесткие губы. Вспомнив, как они могут обжигать поцелуем, я снова еле усмирила сердце, но шум в ушах никак не проходил.

А самое болезненное, унижительное, от чего хотелось провалиться сквозь землю – это то, что он меня не узнал. Скользнул равнодушным взглядом, как по старой мебели – и не узнал. Проглотив непрошенные слезы, я все –таки осмелилась обратить на себя внимание, правда, не знаю, зачем. Чтоб еще раз убедиться, что я для него пустое место?! Потрепанная жизнью, облинялая бледная моль? Серая мышка?

А чего стоил наш диалог напоследок? От моих щек спички зажигать можно было. Он, как жрец – вуду, втыкал раскаленные иголки в мои болезненные места. В то, о чем я запретила себе думать. Женское счастье, дети, благополучие. Как садист, он разворотил мою душу и пренебрежительно практически выставил из кабинета. «Я никого не задерживаю» и снова уткнулся в бумаги.

Если у унижения есть шкала деления, то я испытала максимальную. Просто невозможную, запредельную степень унижения. Я для него пустое место, с которым он поговорил из вежливости.

Господи, как же пережить это? Мужчина, от прикосновения которого раньше превращалась один трепещущий комочек счастья, сейчас стал не просто чужим. Он стал чужим и придет не просто так. Есть люди, которые никогда и ни в чем не признают своей неправоты. И будут доказывать другим, что это они виноваты. И Сава из их числа... Не может простить, что я не побежала за ним, как собачка, не стала умолять, чтоб не бросал. Не ожидал, что я возьму и выйду замуж вместо того, чтоб безнадежно тосковать, преданно ждать и ронять слезы у окошка.

Хотя почему не может простить? Скорей всего он и думать обо мне забыл, а сейчас просто хочет потешить свое самолюбие, убедиться, что я без него погибаю. Царь, просто Царь, и все за счастье почтут облобызывать ему пятки!

Злые слезы уже закипали на глазах. Черта с два, Строгов! Ты не увидишь меня несчастной! У меня есть муж, что по нынешним временам почти роскошь. Не пьет, не бьет, по бабам не бегает – да я просто счастливый билетик вытащила! Да нет! Сука! Это же джекпот просто!

Я выскочила из-за стола и метнулась в ванную. По доброй традиции всех истеричек, открыла воду на всю, наплевав на безжалостный счетчик, и заревела. Отчаянно, по-бабьи. Понимая, что один поцелуй Строгова дороже и заветного колечка, и пышной свадьбы, которую в прессе освещали, и тех пары лет, когда я искреннее верила в то, что стерпится, слюбится.

Ничего не стерпится! Не слюбится! И тоска по единственному мужчине, рядом с которым забываешь обо всем, тоже никуда не денется!

Я захлебывалась горькими слезами, которые долго держала в узде. С ними выплескивалась вся накопившаяся боль, вся тоска, вся безнадега, опустошая душу, обнуляя ее. У каждого свой путь.

Наревевшись вдоволь, я умылась и посмотрела в зеркало. Взгляд затравленного зверя. Одинокого и глубоко несчастного. Но я не имею права это ему показать. Ни... за... что!

План действий, сначала очень расплывчатый, стал вырисовываться все четче и четче. Еще бы! Его подогревала адская, кипящая смесь обиды и злости!

Словно ведьма на метле, я вылетела в прихожую.

– Рома! Отправляйся к своей Зинаиде Сергеевне, возьми столик раскладной и три плетеных кресла. Что?! – от недоуменного взгляда мужа меня чуть не закоротило. – Обрати внимание, возьми такси. Нарвешь ромашек у нее, стебельки сантиметров двадцать чтоб были. Штук пятнадцать. Давай быстрее, ты мне еще помогать будешь.

Так. Теперь с угощением. Свой фирменный торт я не успею сделать, иначе даже голову помыть не удастся. «Птичье молоко» с лимонной цедрой вполне пойдет. Шоколадка есть, за маслом и лимоном сейчас сбегаяю. Сделаю овощную нарезку. Благо, рыночек не разогнали – старушки с зеленой свежей есть. Сава от кинзы фанатеет. Куплю. Запеку пель-

мени в горшочках... Он их тоже любит. Бокалы есть, салфетки...

За этими мыслями я не заметила, как душившая тоска исчезла, хлопоты словно вытащили меня из серой рутины. Давно забытый драйв, удовольствие от этой почти праздничной суеты сделали меня счастливой. Вернее, дали иллюзию счастья. Счастья – сделать приятное любимому мужчине.

Затолкав поглубже свою боль, я решила – пусть этот вечер запомнится нам обоим. И может, уехав в свою Москву, он будет вспоминать обо мне. Большого мне не дано.

А значит, передо мной стоит супер-задача – примерить на себя роль скатерти-самобранки и, как Василиса Премудрая, явиться перед ясны очи Царя – батюшки во всей красе.

Если с первой справиться по силам – я уже резвой козочкой несусь в магазин, то вторая будет посложней. Как вытравить из глаз усталость? Это то, от чего мужчины бегут из отношений. Особенно такие крутые. Им же в отношениях драйв подавай, чтоб огонь! Как он сказал: Женщина должна быть счастливой и ее работа – дом, семья, уход за собой и общение с подружками.

Черт! А у меня даже и подруг –то нет. Как-то сами собой рассосались, как только свекра уpekли за решетку и водиться с нами стало стыдно. Сава, словно сканером считал все мои проблемы и с садистской жестокостью вытряхнул их на свет, заставив меня почувствовать себя настоящим дном.

Засранец! Больше ты не увидишь моей растерянности. Я

буду готова!

Сделав тесто, я сварила манку, взбила с маслом и лимонной цедрой, пропитала коржи и полив шоколадом, украсила кусочками фруктов. Вышло очень красиво. Я мстительно усмехнулась. Да, Строгов, в ресторанах такое не подают, а твои модельки, которые посвящают все время себе, явно имеют обе руки левые. Наслаждайся и запоминай! Я сдула локон, прилипший ко лбу и торжественно засунула торт в холодильник. Конечно, он должен пропитаться хорошо, но главное, чтоб крем застыл.

Хорошо, я успела сделать торт до приезда мужа. Я похвалила свою внутреннюю чуйку, которая иногда начинает руководить моими действиями раньше, чем голова начнет соображать. Я по наитию отправила Полуянова за креслами и столом раньше, чем начала колдовать над тортом. И смогла поймать то особое состояние, когда все удается. Еще оно называется Вдохновение. Когда получается самое вкусное блюдо. Это сродни творчеству. Есть Вдохновение – и рождается потрясающая музыка, картина или книга.

Я была уверена, что торт получился – пальчики оближешь. И секрет – мне никто не мешал и жгучее желание удивить Строгова.

– Ален, выйди, пожалуйста, помоги занести, – запыхавшийся муж тащил к подъезду кресла и стол.

Я спустилась.

– Ален, а что мы будем делать с креслами? Мы в зале стол

накроем? Я тут подумал...

– Рома! – предупреждающе я подняла руку. – Никогда не говори: «Я тут подумал». Ничем хорошим это не заканчивается.

– Нет, ну ты чего! Понимаешь, это на заводе он хозяин, а ты подчиненная. А если он приходит в гости, значит, мы на равных. Может, в разговоре вскользь намекнуть, что тебе очень нужна работа?!

Я сейчас поняла значение выражения «кровь в голову ударила».

– Не вздумай! – чуть не взвизгнула я. – Рома! Ни намеком, ни полунамеком, ни вскользь, ни вкривь!!! Не вздумай! Иначе я у тебя твой компьютер отберу и выброшу на помойку.

Муж обиженно засопел. Как же! У него ж там уровень Бог почти. Есть повод гордиться перед своими «однополчанами» – любителями танчиков.

– Ну ты хоть платье свое красивое наденешь? – уже миролюбиво предложил он.

Я тяжело вздохнула.

– Ага, и покажем, что Царя – батюшку ждали...

К тому же мне надоело вспоминать, что у меня осталось одно красивое платье и оно же было впервые надето на второй день свадьбы. Нет уж!

– Сходи к Семеновне, отнеси ей бутылку пива и возьми ключ от чердака. Отнеси на крышу кресла и стол, подмети там. Мы сделаем то, чего Строгову ни одна Москва не даст.

Ужин на свежем воздухе, возможно при звездах и при свечах на обычной крыше. Если он не уложит все свои понты в рассказы в пять минут и не решит просто бросить свои податки, побрезговав общаться с чернью.

– Аллен, мне кажется, ты слишком предвзята по отношению к нему. Нормально он со мной общался.

Он прав. Каким бы Сава не стал сейчас крутым, он умный, а значит, никогда не позволит себе быдловатости. И тут же кольнуло в душе – правильно. Он унизит интеллигентно, виртуозно. Не обухом по голове, а тонким стилетом прямо в сердце.

– Ладно, Ром, раз мы ввязались в это, давай сделаем все настолько хорошо, насколько можем. И давай договоримся. Ты не жалуешься ни на правительство, ни на несправедливость, не заводишь разговоров о политике. Ладно? Просто предоставим ему возможность рассказать о своем пути наверх. Я думаю, ему есть что рассказать, и мужчины всегда это любят. Но! Рома, сегодня твоя задача – слушать. Помни – мы команда. Как на конкурсе молодых семей, помнишь?

Господи, я великовозрастному мужику даю наставления как себя вести!

Но они необходимы, иначе я просто сгорю со стыда. Надеюсь, что этого не произойдет.

К восьми часам уголок нашей крыши превратился в ресторан под открытым небом. Привезенный столик был покрыт белоснежной кружевной скатертью, которую я связала

много лет назад. Плетеные кресла создавали атмосферу домашнего уюта. Бокалы, тарелки, на полу подсвечники со свечами – на случай, если беседа пойдет.

Последним штрихом, царапающим сердце, были ромашки. Они пушистым облачком покрывали круглую стеклянную вазочку в центре стола. Ромашки дарил мне Сава, зная, что они мне нравятся.

Я чувствовала себя мазохисткой, создавая этот маленький праздник для мужчины, который пренебрег мной. Мужчины, любовь к которому мне так и не удалось выкорчевать из души. Но он этого никогда не узнает. Сегодня я просто радужная хозяйка, которая не видит в госте царственной особы. А поэтому вымытые волосы завязаны в хвостик на макушке. Тоненькая прядь будто нечаянно выбилась из него. Минимум макияжа. Голубые джинсы и водолазка с короткими рукавами.

Добро пожаловать, господин Строгов!

ГЛАВА 3

Двумя днями ранее

– Завтра в половине первого вас ждут на открытии нового учебного корпуса Института бизнеса и дизайна, – Нелечка, моя безупречная секретарша, начала зачитывать еще от двери. Она у меня словно из каталога «Идеальная секретарша» выписана – ни разу не накосячила и глаз радует. Сдержанная, скромно одетая, волосы всегда собраны в целомудренную «гульку» на затылке, минимум макияжа. Приятная улыбка, даже немного застенчивая. Ну, просто мечта.

– Не получится. Завтра у меня важное совещание с инвесторами. Что еще?

– Звонил Артемьев по поводу вашего расписания.

– Скажи ..., – но не успел я продолжить, как чуть не с пинка открывшаяся дверь сбивает меня с мысли. Окруженная удушающим, тяжелым облаком Poison от Кристиана Дидора по-хозяйски вламывается в кабинет Лариса, или Лори, как она манерно всем представляется.

Нелечка благоразумно отодвигается подальше, освобождая фарватер боевому крейсеру.

– Приве-е-ет! – изображая невесомую нимфу, практически виснет на моей шее и бесстыдно трется своей пятеркой о мою грудь. Килотонны ее сексуальной энергетики способны сбить с ног, так же, как и ее беспардонность. И, Слава спорт-

залу, я в состоянии удержать все девяносто килограммов ее харизмы и сам удержаться на ногах.

Полные, горячие губы впиваются в мой рот, заполняя его запахом кофе, а наглый язык уже рисует там весь алфавит.

– Может, мне зайти попозже? – подает голос Неллечка, нерешительно застывшая у порога.

– Да, Нелль, будь добра! – Отдирая от себя свою сексуальную пиявку, выровняв дыхание, отпускаю растерявшуюся девушку.

– Я просил так не делать! Нельзя это делать при людях! – рычу, как только за Нелей захлопнулась дверь.

– При людях? Я здесь никого не вижу. Или ты про свою... эту? – рыжеволосая стерва пренебрежительно передергивает плечиком, прекрасно зная, как меня бесит хамское отношение к персоналу.

– Да про нее, – цежу сквозь зубы, борясь с животным желанием задрать ее платье от Версаче до ушей, припечатать к столу животом и отвесив несколько смачных шлепков по холеной роскошной заднице, оттрахать так, чтоб на ногах не стояла.

Чувствую себя примитивным приматом, потому что ей раз за разом удается завести меня именно негативом. Какой-то сбой в программе, что ли? Что за херня? У меня встает по стойке смирно всякий раз, как только вижу ее провокации. В чем манкость плохих девочек? Сколько раз обещал себе подумать, разложить по полочкам и постоянно откла-

дываю.

– Мы сегодня идем на важное мероприятие. Ты забыл? – обволакивает меня похотливым взглядом, демонстративно соблазняет, облизывая нижнюю губу.

Резко выдыхаю, отчаянно пытаюсь силой мысли усмирить бешеную пульсацию в члене.

– Не сегодня. У меня дел много. И ко мне сейчас люди придут. Иначе ты бы уже тут стояла в догги-стайл. Прости!

– Прости?! – Лори взвизгивает, как укушенный поросенок. – Ты просто так охренел или по какому-то особому случаю?

– Притормози! – предупреждающе стискиваю ее запястье. Дьявол! С ней, как с норовистой лошадью. Только думаешь, что уже окончательно объездил, ан нет. То и дело взбрыкивает.

– Что? Ты хочешь сказать, что я зря просидела в салоне четыре часа? Я тебе кто вообще? Девочка по вызову? Я тебя жду всегда. Я с тобой сплю. Выполняю все твои прихоти. А у тебя на меня времени нет? И я все должна терпеть?! Ради чего? Скажи, пожалуйста! – стерва переходит на ультразвук, а мне приходится немилосердно давить возбуждение, потому что очень не хочется встречать будущих партнеров с колом в штанах и сорванным дыханием.

– Ради денег и беззаботной жизни. А еще ради того, чтоб посещать светские тусовки и быть частью нормального общества. Если ты хочешь, чтоб это продолжалось, тогда за-

крой свой рот и веди себя, как подобает.

– Ну, Совушка! – поняв, что перегнула палку, изобразив сломанные птичьи лапки, она буквально утопила меня во взгляде коварного кота из мультика про Шрэка. Причем сходство было максимальным – такие же колдовские зеленые кошачьи глаза и огненная шевелюра. Но на этих котиках я уже собак достаточно съел, поэтому очередной раз ставлю ее на место.

– Во-первых, не называй меня Совушкой. А во-вторых, если тебя хоть что-нибудь не устраивает, ключ от квартиры можешь оставить у консьержа. Теперь молча повернись и выйди. И без сцен. Иначе вылетишь без выходного пособия.

Едва сдержавшись, чтоб не фыркнуть, а это я уже уловил по злому огоньку, мелькнувшему в ее глазах, Лори гордой поступью оскорбленной королевы, при этом усиленно вильнув своим кардашьяном, выходит из кабинета. И на прощание хлопает дверью, оставляя иллюзию последнего слова.

А я сижу пару минут, тупо тарашась в неопределенность. Ну кроме, как полярный лис, то есть песец, или проще пздц, в голову ничего не приходит. Причем не просто пздц, а, сука, в квадрате, в кубе и еще не знаю в какой степени!

До скрежета сжимаю зубы и со всей дури запускаю чашку в стену. С жалобным стоном осколки осыпаются на пол. Истеричка...

Моментально среагировав на прощальный жалобный звон дорогого фарфора, Неллечка осторожно засовывает нос.

– Я уберу? – опасаясь начальственного гнева, она все же на первое место ставит порядок.

– Да, пожалуйста, – машинально отвечаю и снова тону в мыслях.

Почему я до сих пор с ней? Качественно отсосать может любая. Ладно, не любая, а профессионалка или опытная любительница. Так мы ж брезгуем! Или я долбаный мазохист, которому нравится, что его мозги трахают? Эдакий извращенный вариант секса?!

Память безжалостно выкручивает мне руки, лишая возможности как-либо избавиться от прошлого, которое словно затянувшаяся застарелая рана ноет на погоду. Как ни стараюсь, я не могу забыть ту хрупкую чистую девочку, которую боготворил. От невинного поцелуя которой трясло, как от прикосновения к оголенному проводу. И не могу смириться, не могу простить, что она, как расчетливая сука, выбрала папенькиного сынка.

Однажды в детстве я разбил хрустальную вазу. Не стал трогать осколки, планируя свалить все на кота Кортеса, а сам рванул к Ромычу, тогда еще другу, за алиби. И никто б не узнал, если бы не крошечный осколок, глубоко впившийся в палец на ноге. Рана, обработанная перекисью, заросла, и не беспокоила, если ее не касаться. Но когда нужно было надевать кроссовки, проклятая стеклянная заноза давала о себе знать.

Опрометчиво решив, что у меня, как у сына хирурга, со-

ответствующие навыки в генах заложены, сделал сам себе операцию, выковырнув злополучный осколок. Занес инфекцию. И отхватил по полной.

И та невинная девочка из прошлого, как осколок – не видна на первый взгляд, не беспокоит, но стоит надавить под определенным углом – и тут же рвет душу.

Задаю себе вопрос – как принцесса моей мечты стала такой же меркантильной стервой, как и та, которая только что на помеле вылетела из кабинета? От бессилия что-то изменить, я в воображении намеренно наделяю свою горькую, практически забытую любовь теми чертами, которые ненавижу больше всего. Чертами спесивой, вырвавшейся из грязи хабалки, для которой секретарша – пустое место, домработница – совсем грязь под ногтями...

Я весь мир готов был бросить к ее ногам, но на тот момент у меня ничего не было. А обещать золотые горы с ветром в кармане – это не для меня.

Наивно думал, что как только разбогатею, так сразу же забуду первую любовь. Хер! С каждым заработанным миллионом мне все сильней и сильней хочется ее увидеть, услышать ее нежный голос. Как в детстве – болезненное и непреодолимое желание содрать свежую корочку с разбитой коленки. Блядь! У нее даже имя как чистый свежий ручеек, манящий своей прохладой. А-ле-на! Как волна, мягкая и ласкающая.

Интересно, какая она сейчас? Такая ж грудастая и кардашьянистая, как Лори? Сколько у нее детей от моего бывшего

друга? Чем она занимается по ночам? Задыхается от жарких поцелуев? В порыве страсти кричит, срывая горло? Или читает мужу вслух Драйзера?

И что самое интересное. Я вспоминаю о ней, когда ... меня вот так, как сейчас, выбешивает Лори. Может, поэтому я и держу возле себя эту порочную, развратную Златовласку? Она для меня как прививка от любви. Защита моей нежной души от ненужных привязанностей и слабостей.

Сама того не зная, она оберегает меня. Ведь если я завяжу отношения с женщиной или девушкой, которую уважаю, то могу и влюбиться. А пока Лори со мной – соблазнов я лишен. Трусливо?! Да. Но вновь разрушить свой мир я никому не позволю. А может, зря я беспокоюсь? Может, у меня уже иммунитет? Как корью, переболел один раз – и на всю жизнь защищен?!

Хотя понимаю, что мучит меня не любовь, а скорей всего, растоптанное мужское самолюбие. Как непроработанная детская психотравма, нет – нет, да и всплывает. К мозгоправу однозначно не пойду, пусть всплывает хоть всю жизнь.

Хотя... почему нет?! А разве сам себе не психолог! Почему бы не вырвать ее так же, как тот осколок. Вырвать и выбросить? Отомстить, унижить, растоптать и забыть?!

Теперь –то у меня хватит и средств, и связей, чтоб поставить раком любого местечкового туза. Хотя чуйка подсказывает, что Ромочка никакой там и не туз, а скорей мелкая шоха. Моя любимая самонадеянная чуйка! Ты ж меня не тол-

каешь на то, чтобы бросить насущные дела и уехать, чтобы отомстить?!

ГЛАВА 4

«Ага-ага! Не толкаю», – так и слышу ехидный ответ. И не поспоришь. Не прошло и нескольких часов, как позвонил дядя, мамин брат, посетовать на судьбу. Он работал простым юристом на местном целлюлозно-бумажном комбинате, от моей гуманитарной помощи отказывался, считая, что мужик должен сам обеспечивать свою семью. Иначе его не за что будет уважать. Что ж, похвально! Наверно, поэтому мы с ним почти друзья.

– Сав, наш комбинат обанкротили и выставляют на торги. Всех отправили в отпуск без содержания. Черт знает, что будет. Кто-то ухватит жирный кусок. Это и лес, и своя шикарная база отдыха. Что делать? Ума не приложу!

Зато я очень даже приложу. Благо этого ума мне не занимать.

– Организуй мне рыбалку и баню на озере. Я приеду и разберемся, – решение созревает моментально.

Низко кланяюсь своей чуйке и лихорадочно начинаю сортировать дела на важные и срочные и на важные несрочные. Делегирую заму неважные, но срочные и несрочные и неважные и отдаю Неллечке приказ забронировать билет на поезд.

Все! Судьба сама за меня все решила. Надо Лори денег закинуть на карту, чтоб хватило. Вроде все.

Черт, давно я не испытывал такого азарта. Внутри все буд-

то подрагивало от возбуждения. Только сейчас я понял, что просто погряз в своем бизнесе и давно не отдыхал в кайф. Поход в ресторан – так обязательно с деловым партнером. Отдых на природе с шашлычком и всем остальным – опять же для решения вопросов в неформальной обстановке.

А родной город сейчас манил просто дьявольскими соблазнами. Выхватить жирный кусок из пасти у какого-то пока неизвестного туза. Раз. Побывать с теми людьми, которым от тебя ничего не надо. Два. И три, ради которого, собственно, и были раз и два.

– Лариса, приготовь что-нибудь, я сегодня ужинаю дома, – почти официально отдаю распоряжение, давая понять, что ее выходка все еще меня злит. Так, чисто для профилактики. На самом деле я был переполнен эйфорией, как воздушный шар гелием.

– Что ты хочешь, – тихо и печально, что называется «подчиняюсь грубой силе», роняет ответ Лори. И даже не возмущается, что называю ее Ларисой.

– Мясо! – я отключаюсь и ныряю с головой в бумаги, напроць теряя счет времени.

– Савелий Степанович! – Неллечка робким котенком поскреблась в дверь. – Вам, может, доставку из ресторана заказать? Вы ж только с партнерами пили кофе и все. И это за целый день!

– А? Фу! Забыл. Нет, спасибо, я домой. Скажи Андрею, пусть машину ко входу подгонит.

Мог бы, конечно, и отпустить водителя, но в голове было столько мыслей, что я точно отвлекался бы от дороги. Они, как в карусели, мельтешили в голове и словно требовали – "Ну думай меня первой, ну пожалуйста!" И за этой каруселью я даже не заметил, как подъехал к дому.

Аромат мяса встретил меня еще на лестничной площадке. Я сглотнул слюну, но тут же понял, что кусок в горло не полезет, потому что от драйва, распиравшего изнутри, меня потряхивало. Не зря бизнес и тестостерон стоят на одной доске. С вялыми яйцами далеко не уедешь.

– Милый, ты так долго, мне пришлось подогреть, потому что все остыло, – холеная тигрица потерлась о мою грудь, едва я открыл дверь.

– Главное, что тебя не приходится подогреть. Так ведь?!

– Нет, конечно! Но идем быстрее! – Лори потянула меня в гостиную, совмещенную с обеденной зоной. На столе мерцали свечи, бутылка Гран Крю ненавязчиво намекала на романтичность обстановки.

– Нравится? – мурлычет Лори, выкладывая мясо на большую тарелку.

– Мне нравится другое мясо, – скатываюсь до пошлости, но ничего не поделать – я люблю ее именно за развращенную чувственность. Она отзывается на мои грубые ласки и заводится, как кошка в период зова.

Лори рослая, статная, с широкими бедрами и пышной грудью. Красотка эпохи Возрождения. Про таких говорили

в старину – кровь с молоком. Инициативная. И хоть меня и самого в постели уговаривать не нужно, все равно, женская активность приятно почесывает за ушком мужское. Это – вся эта фактурная красота только для тебя. Такая манящая и горячая.

Сейчас эта красота прикрыта целомудренным домашним костюмом.

– Иди сюда, хищница моя! – Я притянул ее к себе и зарылся носом ее густые упругие локоны, пахнувшие, как и сама хозяйка, сладкой корицей с нотками ванили. Ее откровенная чувственность делает ее похожей на страстную одалиску. Ха! А я тогда уже султан, раз она принадлежит мне одному. Надо оплатить ей курсы танца живота. Огладив упругий зад, я подцепил пальцем широкую резинку домашних брюк и медленно стащил до колен вместе с кружевными трусиками.

– Ну, Сава, опять остынет! Давай после ужина, – кокетливо запротестовала она.

– Лорик, и после ужина тоже. Мне нужно впрок.

– С чего это? – она выгнула изящно нарисованную бровь.

– Мне нужно уехать минимум недели на две.

– В смысле уехать? – недовольство начало высовывать свои злые рожки сквозь ее надеваемую по случаю няшность.

– Кис, в прямом. Сажусь на поезд и еду.

– А почему меня не берешь?

– Я еду к маме, но сидеть у меня времени не будет. Там интересное дело наклевывается, – все еще пытаюсь погасить

назревающий конфликт на корню.

– Савелий! – тигрица вырывается из моих объятий, натягивает трусики с брюками и готовится метать в меня молнии. – Тебе не кажется странным, что ты меня не знакомишь со своими родственниками и не на все мероприятия берешь с собой. Ладно, специально мы не едем, но раз уж у тебя там дело, к тому же на две недели, почему я не могу поехать с тобой? – все еще сдерживаясь, но уже закипая, Лори опять съезжает на тему «Я тебе кто?»

– Ты не можешь поехать со мной, потому что Неллечка заказала один билет. Не кипятись! Иди ко мне!

Но моя одалиска, кажется, не читала в детстве сказку про рыбака и рыбку. Приехав из глубокой глубинки, она вбила себе в голову, что достойна быть женой олигарха, и надеялась заловить его одним лишь роскошным экстерьером. Причем, без образования, без манер и без покладистого характера! Отвалив кучу бабок за пригласительный на закрытую вечеринку по случаю юбилея Газпрома, она чуть не впадала в истерику, когда выяснилось, что вечеринка потому и закрытая, что неименные пригласительные давали доступ только в нижний зал. Поесть – попить и потусоваться среди таких же искателей – журналистов, мелких сотрудников компании, пронырливых халявщиков.

Но Лори не желала мириться с этими условностями и решила своим люксовым задом задвинуть секьюрити.

Я спустился вниз, хотелось освежить голову у реки, и как

раз застал момент, когда ее под руки выпроваживали вообще из зала. Зрелище было захватывающее – два огромных шкафа едва справляются с рыжей матерящейся бестией!

Любопытство кошку сгубило. Я освободил ее из недружественных объятий, а она, заметив, что я спустился сверху, решила, что меня нужно брать.

Я был подогрет алкоголем, она – страстным желанием захомутать кого-либо из верхнего мира, и у нас случился банальный спонтанный благодарственный секс в туалете. Было горячо. И я предложил ей иногда встречаться, без обязательств, с материальным выражением признательности с моей стороны.

Затем поселил ее в своей городской квартире, чтобы она не тратила деньги на аренду и была всегда под рукой. Напросившись однажды со мной на какое-то мероприятие, пожелала сделать это традицией. И вот теперь «Кто я тебе?!» Милая, ты мне точно не Владычица морская! И поэтому мне приходится с завидным постоянством ставить ее на место.

– Нет! Ты просто издеваешься надо мной! Понятно, что Неллечка купила один билет, потому что ты и заказал один! Ты даже эту серую убогую мышь называешь Неллечкой и больше уделяешь ей внимания, чем мне! А я тут как дура, сижу, жду тебя днями напролет, безрадостно перелистываю журналы, гипнотизируя телефон – когда же его Величество позвонят!?

Черт, только думал хищницу покормить с руки, ан нет,

приходится опять брать хлыст.

– Лариса! Здесь я решаю, когда, куда и кто едет! Если ты не вложишь это в свою голову, то скоро листать будешь только журнал «Работа для вас». Ты меня поняла?!

Обиженно вздернула подбородок, но с ринга уходить не торопится. Зная, что нахрапом меня не взять, меняет тактику.

Нервно покусывая губы, опускает голову, смахивает несуществующую слезу и дрожащим голосом, способным растопить самое ледяное сердце, выдает, как выстраданное решение.

– Сава, ты не замечаешь, что я живу только тобой. Дышу только тобой! А ты ко мне относишься, как к резиновой кукле. Я не могу так! Мне больно! Понимаешь? – надрыв в голосе должен пробудить мою совесть.

Занавес. Публика рыдает от восторга и аплодирует стоя.

– Хорошо. Но если надумаешь резать вены, постарайся не забрызгать кафель.

Скрипнув зубами, разворачиваюсь и ухожу. Двадцать тысяч ей оставлю, и пусть как хочет, так и выживает.

ГЛАВА 5

Свою историческую родину я посещаю крайне редко. Во-первых, некогда. Собственно, это и во-вторых А в-третьих, просто нет желания. Последний год моего пребывания в родном городе оставил не лучшие воспоминания. С моим юношеским максимализмом с трудом удалось выбраться тогда из – под накрывшей меня лавины боли. Все, что было дорого и ценно – рухнуло, превратилось в прах. Такой неожиданный хук от Судьбы прилетел.

Хотя, может быть наоборот? Это был качественный мотивирующий пендаль? А то ж я как тот ёж, который птица гоня – не пнешь, не полетит...

Кем бы я был сейчас? Заштатным юристом? Или с дядькой открыли бы свою контору? И к нам бы ходили толпами старушки с претензиями – «Хочу засудить соседку – ейные куры рассаду склевали»... М-да..

В такт колесам позванивает в стакане с фирменным ржд-вским подстаканником ложечка. Совсем как во времена детства, когда поезд ассоциировался с морем, безопасностью и солнечным восторгом.

Сейчас же он мой огнедышащий дракон, несущий к освобождению от застарелой боли. Несущий к удовлетворению моего Эго.

Вагон СВ без попутчика и несколько часов на размышле-

ние. И чем дальше от Москвы, тем ярче становится образ Алены. Я усиленно стараюсь увидеть ее с презрительно поджатыми губами, с высокомерным или наоборот заискивающим взглядом. Какая она? Надменная дрянь или добропорядочная жена бывшего друга с кучей сопливых детишек? Плевать! Я заставлю ее переступить через себя, заставлю делать то, что я хочу. Разобью ее жизнь, как вазу в детстве, и заставлю топтаться по острым осколкам босыми ногами. От этих мыслей пересыхает во рту, сердце ускоряется и набатом ударяется о ребра. Первый раз в жизни желание отомстить так будоражит. Причем во всех аспектах.

От одних мыслей член так наливается тяжестью, что приходится думать о способах избавления от стояка. Вот почему я до сих пор не отпускал Златовласку. Она всегда под рукой. Всегда активна и голова болит у нее лишь от того, что нужно выложить в инстаграм, чтоб сразить приятельниц. Но сейчас был не тот случай, чтобы брать ее с собой. Хоть она и не самовар и еду я не в Тулу. Фыркнул вчера, как мальчишка, и в итоге оставил себя без секса лишь для того, чтоб повоспитывать потерявшую берега содержанку.

Назло маме отморожу уши! Только у меня наоборот. Назло Лори сейчас яйца звенят от переполненности. Идиот!

Внезапно мозг молнией простреливает мысль. Жанна. Стюардесса по имени Жанна! Проводница! Отдавая паспорт, я лишь мазнул взглядом по ней, погруженный в последние распоряжения, и только сейчас вспомнил – она при-

близительное попадание в типаж Алены. Не в яблочко, но и не в молоко. Высокая, стройная, голубоглазая. Светлый хвостик из-под форменной пилотки. Большие сочные губы, небольшой носик. На этом все. На лице скука и разочарование плюс отсутствие интеллектуального налета. Наверно из тех, кто приехал в Москву работать моделью, но не срослось. Роста не хватило и харизмы.

И прежде, чем мозг успел структурировать информацию, рука потянулась к кнопке вызова проводника.

– Еще раз добрый вечер! – дежурная улыбка. – Чем я могу вам помочь?

– Жанна. Составьте мне компанию, чтобы вечер перестал быть томным.

– Простите, что с вечером?

Понятно, киноклассика прошла мимо.

– Забудьте. Оставляем первую часть.

– Первую часть чего? Вы что-то хотите заказать?

Я медленно выдыхаю. Девочка заработалась. И кажется, если я буду устраивать танцы с бубнами, мы не сдвинемся.

– Жанна. Я покупаю ваше время. Меня зовут Савелий. Можно Сава. Как московского мецената. И давай на «ты».

По глазам вижу, что слово меценат не приблизило взаимопонимание, поэтому решаю договориться как в бизнесе. Предложение – сумма сделки.

Достаю несколько пятитысячных купюр и вкладываю ей в руку, припечатывая сверху своей ладонью.

– Сегодня ты составляешь мне компанию.

– Ну что вы?! – облизнув пересохшие от волнения и алчности губы, она растерянно переводит взгляд с моего лица на деньги. – Я бы и так с вами

– Я хочу, чтобы ты не только посидела, но и полежала.

Черт, самому становится не по себе от ситуации. Понятно, что она не отказывается полежать. Хотя бы и с тем же начальством. Иначе не в элитном СВ будет наматывать километры, а каком-нибудь плацкарте, где топят углем вагоны. Тут я, наверно, загнул про уголь. Хотя, чем черт не шутит, может такие раритеты еще и существуют. Да может и с пассажирами. Но я-то впервые покупаю секс за деньги! Понятно, мог бы включить альфа – самца, и этого торга и осадочка не было бы. Была бы иллюзия взаимного крышесносного влечения.

Хотя метаться поздно. Возбуждение никуда не делось, потому что я четко на ее месте представляю Алену.

– Сходи в душ, и я тебя жду.

– Но вдруг кому-то я понадобится из пассажиров? – Все еще пытаюсь найти баланс между голодными волками и пока еще живыми овцами, мнется она.

– Будешь хорошей девочкой, вернее, плохой, накину сверху для компенсации выговора. Я ж думаю, это самое серьезное наказание за жалобы?

Совесь, которая только что пыталась куснуть, устало разводит руками, давая карт-бланш. Все бабы одинаковы. Все

дают, кто за деньги, кто от неуверенности в том, что предложат завтра. Все готовы предать и свои принципы, и своего мужчину. Все. И умные, и такие вот Жанны.

Стюардесса не заставила долго себя ждать – в душ в СВ вагоне очередь не стоит. Молюсь, чтоб только не начала тупить. Хотя это как раз можно и предотвратить.

– Детка, все делаешь молча! Договорились?! Не надо говорить – вау, какой он большой, горячий, красивый и так далее. У нас не контрольная закупка. Просто будь плохой девочкой!

А она уже и начала. Форму надела на голое тело – зачет. Однако, видно, еще не привыкла. Стоит, мнется. Ну что ж, помогу. Расстегиваю пуговицы и стаскиваю противную на ощупь синтетику.

Теперь понятно, почему в модели не взяли. Грудь маленькая, но какая-то жалкая, полуобвислая, не вдохновляющая. Ребра торчат, как у голодающей кошки. А в глазах и интерес, и жадность, и готовность услужить. Ну тогда служи, детка!

Крепко взяв ее за затылок, давлю вниз, заставляя опуститься на колени.

– Достань его!

Послушно стаскивает штаны и несколько секунд пялится на внушительную эрекцию, удерживаемую боксерами. Я прихватываю ее волосы и коротко дергаю к паху, напоминая, зачем она здесь. Возымело действие.

Аккуратно достает член и сжимает в руке, проводя сколь-

зящим движением по всей длине.

Нет, этих прелюдий нам не надо. Надавливаю на подбородок, вынуждая открыть рот и сразу резким давлением проталкиваю в горло. Поперхнулась. Черт! Не думал, что взрослую девушку придется азам минета обучать. И еще за мои же деньги!

– Дыши носом. Спокойно. Не напрягайся.

На мгновение вышел, давая вдохнуть, и снова протаранил рот. Шумно глотнула, подавляя рвотный позыв, и дернулась назад. Однако она не благородная барышня, чтоб жалеть. Обхватываю ладонью затылок и снова вбиваюсь в горло, упираясь разбухшей головкой в заднюю стенку.

– Обхватывай губами, остальное я сам! – снова отдаю команду. Девчонка мычит, по щекам текут слезы, но поблажки не даю, вколачиваясь еще яростней. Сука! Потому что я представляю, как так такими же перепуганными глазами смотрит на меня Алена. Это ее слезы я растираю ладонью. Это Алена, трогательная и беззащитная, подчиняется мне.

Снова отпускаю, с болезненным любопытством рассматривая мокрое от слез лицо и слюну, некрасиво стекающую по подбородку. Это Алена сейчас стоит коленями на мягком ворсистом коврикe, шумно хватая ртом желанный кислород. Картина настолько явно нарисовалась в моем воображении, что я теряю грань между реальным и желаемым. И от этого желаемого член еще больше каменеет, до боли.

А виртуальная Алена, наконец, ловит нужный ритм, под-

брасывая меня к такому пику, которого, кажется, я в жизни не испытывал. Я взрываюсь, как атомный реактор, заливая ей всю глотку спермой, вдавливаясь максимально глубоко. Девчонка дергается, жалобно мычит и мотает головой, пытаясь вырваться.

Но нет! Идем до конца! Я крепко держу в кулаке ее смешной хвостик, не давая отстраниться.

– Глотай все! – впечатываюсь пахом в лицо. Она послушно проглатывает и вскидывает умоляющий взгляд, от которого у меня темнеет в глазах. На автопилоте, усмиря сорванное дыхание, я оттягиваю ее голову и снова резко насаживаю на все еще напряженный член. Затем несколько медленных движений, и темнота, наконец, отпускает.

Я выхожу, жду пока она справится с шоком, и снова толкаюсь ей в рот.

– Оближи, как следует, – командую, а девчонка, понимая, что справилась, уже с азартом вылизывает последние капли.

– Умница! – глажу ее по голове, а в собственной ощущаю восхитительную пустоту. Будто все обнулилось. Расслабляющая, кайфовая пустота. Давно я не чувствовал себя таким отрешенным от всего.

Моя персональная стюардесса послушно стоит на коленях, ожидая приказа. Тело ее едва заметно подрагивает, а в глазах просыпается желание. Взяв ее за плечи, подтягиваю вверх и удерживаю, чтоб не свалилась. Очевидно, ноги затекли и не слушаются. Укутываю простыней и понимаю,

что опять поступаю некрасиво. Вижу, что она ошалела даже больше чем я, но считаю секунды до того момента, когда останусь один. В конце концов, я плачу не за ее удовольствие, а за свое.

– Ты хорошая плохая девочка. Утром мне только кофе заварной.

Все-таки я разбираюсь в людях или умею точно доносить свои пожелания. Девчонка разочарованно сгребла в охапку свою форму и, закутавшись в простыню, мышкой выскользнула в коридор. Ее купе проводника было рядом с моим, и глубокая ночь давала большие гарантии, что остальные семь максимум четырнадцать пассажиров мирно спят.

Я рухнул на свою полку и, стерев из памяти пару минут неловкости перед уходом Жанны, блаженно растянулся.

ГЛАВА 6

Маленькая иллюзия, что я воплотил свой коварный план отмщения, грела душу, как наивного обывателя, который покупает одеколон «Джеймс Бонд 007» и чувствует себя супер – агентом. И еще я убедился, что желание наказать свою бывшую любовь – это не сиюминутная прихоть. Это все тот же долбаный осколок стекла под кожей. А значит, операции не миновать. Я должен освободиться от прошлого и показать Алене, что ее избранник – пустышка. Надо будет – разорю его бизнес и оставлю ее у разбитого корыта. Хотя совесть от-чего-то проснулась и грозит пальчиком...

Кто знает, проводят ли операции по удалению совести? До сих пор как-то удавалось находить компромисс в деловой сфере. А тут «ля какая цаца» проснулась и тычет в бок – а если у них дети, что скорей всего так и есть?

Небольшие дебаты – и я предлагаю своему внутреннему контролеру вариант – организую для них стипендию имени себя. Точно не обеднею.

И пока я размышлял, сон, взмахнув невесомыми крылышками, упорхнул. Я уже и с совестью договорился, и в очередной раз убедился, что должен сделать так, как хочу, но заснуть не получалось.

Приплыли. Это что? Первые звоночки старости? Бессонница? Да ладно?! С чего бы это здоровый удовлетворенный

организм ворочался с боку на бок?

Ответом пришли мысли. О жизни, о себе... А, ну да! Где ж еще философствовать, как не в поезде?!

И только я дал слабину, как мои тараканы, смирно сидевшие под плинтусом, выстроились, как на парад.

Лори. Не заигрался ли я в удобство? Она – то наверняка ждет, что я вдруг стану плюшевым мишкой и позову в ЗАГС. Повода же не давал. Хотя вчера уже понял, что что-то пошло не так. Херовый из меня дрессировщик получается. Объяснил же русским по белому ее функционал, так нет. Забавлялся ее игрушечными взрывами эмоций, которые и, правда, возбуждали, заводили. Она давала тот самый безопасный адреналин, без которого энергетика сваливается в ноль.

Ради нее прыгают с парашютом, на резинке с моста, становятся стритрейсерами. У меня на поиски драйва просто не было времени. Очередной раз приходит мысль, с трудом протиснувшись между бизнес-планами, что я не живу. Я несусь вперед, как этот скорый, вижу только пункт А и пункт Б. Пункт отправления – и пункт прибытия. А то, что мелькает за окном, так и пролетает мимо. И это жизнь – эти мелкие остановки, с бабушками, торгующими ароматными пирожками, молодухами с холодным пивом и мороженым в переносных холодильничках. И у них жизнь заключается в ожидании очередного поезда, потому что от него зависит, будет ли чем семью накормить или нет.

Неллечка, безвылазно торчит на работе, со сверхурочны-

ми и бывает без выходных.

Все мы одинаково в гонке за деньгами забываем о мелких радостях жизни. Разница лишь в суммах.

И Лори до вчерашнего дня отвечала за мои радости. Акции неподчинения были и раньше, но тогда я еще не готов был с ней расстаться. А сейчас новость Петровича о комбинате просто поставила с ног на уши все мои приоритеты.

Я чувствовал, что каждый мой нерв – как оголенный провод. Меня потряхивает от предвкушения, и я знаю, что не отступлюсь ни за что. Как хищник, почуявший запах крови. И чтобы как-то остудиться, я заставил себя переключиться на дела, прикинуть, чем я готов пожертвовать ради комбината и как скоро все окупится.

Утром Жанна принесла кофе, довольно неплохой, учитывая условия, заискивающе улыбнулась и исчезла.

На перроне я сразу увидел своего дядьку.

– Привет, москвич!

– Не дождетесь! – любезностями мы обменивались всегда нестандартно, чего не скажешь об объятиях. Крепкие теплые объятия родных людей.

– Ну как вы тут?

Петрович, как хорошо воспитанный человек, поделился только самым ценным, и информация типа «заменяли протезы бабе Маше, троюродная кума четвертого родила» и т.д. моих ушей не коснулась.

– Ну что, племяш, объятия маменьки, душ, еда?

– Нет, Петрович. Маменьку-с мы видели неделю назад, оне-с приезжали ко мне, так что пару часиков подождут. Душ у меня в СВ был, кофе тоже. А вот заводик может и не дождаться. Тебя пропустят без вопросов?

– Обижаешь! Начальник охраны – мой кум же. Там почти никого нет, бухгалтерия только по полдня работает, выдавливают воду из кирпича.

– Э?

– Что э?! Гендиректор, похоже проворовался, поэтому выскивают, откуда компенсационные выплаты брать.

– Ну, поехали, глянем, в каком там все состоянии да кого из сотрудников на будущее оставить. Так сказать, предпочтительную проверку сделаем.

– Да, что значит, крутой делец, – сокрушенно покачал головой Петрович. – Ни секунды не отдыхает. А ты меня еще в Москву тащил! Да с вашим сумасшедшим ритмом и жить некогда.

Надо же провидец! Озвучил мои ночные мысли. Однако не только деловой зуд меня толкал туда. Вернее, это я потом понял, что не только.

А по дороге я был уверен, что это именно моя бизнес-чуйка тащит за шиворот сейчас.

Оказалось, нет. Пройдясь по территории, я словно нырнул в далекое прошлое. Корпуса старые, со словом ремонт явно никогда не встречались. Во дворе асфальт положен, наверно, ровесниками Сталина еще. Словом, лучших декораций для

съемок постапокалипсиса не найти.

Административное здание выглядело не лучше. Обглоданный линолеум, панели, крашенные ядовито-синей масляной краской, деревянные, местами облупившиеся окна.

Ну такое себе приобретение для прикрытия моих мстительных планов.

Готов я выбросить миллионы на эти руины? И только я хотел сказать жесткое «нет», как сердце едва не выпрыгнуло через горло.

В открытый проем двери я увидел знакомый до боли силуэт. Тонкая, звонкая, с пепельными локонами, стянутыми в небрежный девчачий пучок на макушке, она стояла у окна. Одной рукой усиленно терла глаза, а другой как-то машинально вертела очки.

Во рту моментально пересохло, и я скакнул назад, как взбесившаяся лошадь.

– Маменька. Душ. Еда.

– Сав, это что, запрос для гугла?

– Нет, Петрович. Это план действий.

Резко затормозив, я выдохнул. Определенно, эта девушка, теперь уже женщина, проросла мне под кожу, опутала собой каждый нерв, одним взглядом заставляя сердце биться быстрее. И если раньше меня разрывало от радости, то после ее предательства, казалось, что каждая клеточка пульсирует болью.

В ранней молодости мало полутонов. Счастье – так отвал

башки, боль – так искры из глаз, на разрыв. Сейчас просто осколок под кожей. Но, сука, почему ж он так сдетонировал? Любви нет, есть маленький, но чуть ли не вечный огонь моего уязвленного Эго, моего желания отомстить.

– Пойдем, все, что нужно, я увидел, – сухо объяснил я свое бегство. – Домой.

– Так ты еще базу не видел. Поедем?!

Я молча кивнул, не зная, как быть. Может быть, правда, на природе, у озера я выдохну и снова обрету способность соображать. Это ж надо так подпрыгнуть! Я, глазом не моргнув, разговаривал на равных с мощными тузами, доводилось пересекаться и с криминальными авторитетами. А тут один взгляд на бывшую любовь – и сердце заколотилось.

Я еще раз убедился в том, что все делаю правильно. Во что бы то ни стало, я должен избавиться от этой занозы. Иначе так и буду самообманываться, жестко трахая в поезде Жанночек.

Уехав в Москву, я категорически запретил и матери, и Петровичу даже заикаться об Алене, о бывшем друге и обо всем, что может хоть отдаленно их касаться. Под угрозой разрыва отношений. И теперь снимать мораторий спустя столько лет было бы странным, но иначе никак.

Раздираемый противоречивыми мыслями, я потянулся за сигаретами, валявшимися у Петровича на панели. Хотя лет восемь я уже не курю. Прошли те времена, когда сигареты и кофе сутками держали меня на плаву, не позволяя сдать-

ся. Индексы, котировки, деривативы, трейдинг, волатильные рынки – все то, что позволило заработать начальный капитал, все то, что требовало максимальной концентрации двадцать четыре часа в сутки.

Потом курить я бросил, но сейчас потянуло, как наркомана. До одури захотелось обжечь гортань дурмящим дымом и выдохнуть взбунтовавшиеся эмоции.

– Ты что, развязался? – Петрович подозрительно покосился на меня.

– Нет. Дядь Слав, а что Алена здесь делает? Чтоб мэровская невестка работала в таком убогом месте?! К тому же с ее утонченным вкусом и любовью к музыке! Очень неожиданно, – как можно непринужденной ответил я.

Поняв причину моего бегства, Петрович не стал его комментировать. Четко ответил на поставленный вопрос.

– Ну ты ж запретил делиться светской хроникой. Громкая история была! Полуянова посадили за взяточничество в особо крупных размерах с конфискацией. Сыну, правда, он успел квартиру переписать, там они с Аленой и живут. Ромка ж балбес. Это ты да папкины бабки его в институте вытянули. И потом за счет родителей шикавал с молодой женой. А когда остался без поддержки, начал продавать, что удалось спрятать. Потом и этот арык пересох. Тогда Алена закончила бухгалтерские курсы и начала брать подработки. А потом и вовсе из музыкальной школы ушла и вот уже как год у нас работает.

Й-ё-ху! Восторженный адреналиновый сгусток ударил по натянутым, как струна, нервам. Надо же?! Судьба сама уже наказала!

Более жалкой участи для них и представить сложно. Что я испытал?! Злорадство! Самое настоящее, крышесносное и бодрящее! И пусть весь мировой дзен будет в уши дуть, что это низкодуховно, карме вредит и бла-бла-бла.

Я не зефирка в шоколаде, и, если бы не умел добивался поставленных целей, хрен что бы из меня вышло. И сейчас меня ничто не остановит. Как ничто не остановит и мой мозг, который уже принялся за активную разработку плана.

Каждый бизнес-проект – это маленькая жизнь. Сначала рождается идея, робкая, эфемерная, но она зажигает кровь, будоражит круче любых энергетиков, придает остроту серым будням. И ты бросаешься в эту идею с головой. И пусть она кажется нереальной, фантастичной, ты уже знаешь – все получится. И эта уверенность, как мощный магнит, притягивает людей, средства, ты находишь нестандартные способы решения и получаешь ни с чем не сравнимый кайф.

Зацепившая идея, как настоящий охотничий азарт, ведет, буквально тащит за шкуру и не отпускает ни на минуту.

И сейчас я чувствовал то же самое. Еще не оформленная, расплывчатая, она уже сушит волнением горло и колет иглами драйва.

Пока мы ехали к базе, мысли носились хаотично, обгоняя друг друга, сталкиваясь и отскакивая. Но постепенно этот

хоровод упорядочился, и как только я увидел широкую гладь озера, вековые сосны, стрелами уходящие вверх и деревянный пирс, ведущий чуть ли не на середину озера, костяк плана созрел.

Если б не Петрович, я б в голос заорал сейчас: «Да!», но я сдержался и облегченно выдохнув, расслабился. Вот он – ментальный оргазм!

Судя по всему, детка, ты думаешь, что сейчас все плохо. Как же ты ошибаешься! Я покажу тебе все, что ты могла бы иметь, дам почувствовать вкус хорошей жизни и вышвырну назад, к твоему мужу-деграданту.

ГЛАВА 7

Да! Небольшой город имеет массу преимуществ перед мегаполисом. И найти информацию, кто участвует в торгах – плевое дело. Еще немного усилий – и в руках весомые аргументы, чтобы конкуренты отказались от своих планов. По факту, конкурент один, брат нынешнего мэра, и скорей всего, он подставное лицо. Остальные – для отвода глаз, чтоб общественность не возмущалась.

Поступила информация и об Алене. Завод – это ее основная работа, и еще ведет дела двух фирм – малюток. Значит, если лишит ее работы – это будет весомым ударом по бюджету семьи. Полуянов, не хочется даже в мыслях называть его мужем, перебивается случайными заработками – помогает составить иски, консультирует тех, кому ушлые и компетентные юристы не по карману, и не парится, как обеспечивать жену.

Черт знает, что творится! Только подумал о нем и кулаки непроизвольно сжались. Какого хрена?! Не ты ли хотел, чтоб она страдала и жалела, что выбрала этого какбымужика? Радоваться должен?! А у меня сердце, как после боксировки груши колотится, и я понимаю, что лелею еще одну мечту – отмудохать Полуянова. За все.

И тут же брезгливое чувство, как от гусеницы, заползшей за шиворот, остудило мой пыл. В детстве я защищал этого

слизняка от местной гопоты. Когда папаша стал мэром – все и так стали обходить стороной этого смазливого слюнтяя.

Очередной раз обида всколыхнула весь мусор в душе. Как, Алена? Как ты могла выбрать этого мажора? Да, у него легкий незлобивый характер, в отличие от моего, и развеселить может, и из комплиментов Триумфальную арку выстроить, но сам же пустышка! А я, как юный тимуровец, взял шефство, потому что Ромочка слабенький был, и маменька просила присмотреть – он же такой нежный цветочек! Присмотрел на свою голову!

Все Сава, хватит лирики! Но бесит до чертиков, что этот дрищ сидит на шее у Алены! На ней еще и мать. Неужели сочувствуем? Нет! Я просто собираю информацию, чтоб не упустить ни одного нюанса и насладиться мезью по полной. И пункт первый – лишаем Алenu работы.

Я откинулся в кресле бывшего отцовского кабинета. Странное дело. Мама так и сохранила его, как музейную комнату, хотя во всеуслышанье заявила, что муж для нее умер, и она о предателе слышать ничего не желает. Если бы я не желал ничего слышать, первым делом бы разгромил этот кабинет, сделав из него... да хоть оранжерею! Или это у нас семейное?! Я не могу сколько лет вытравить из души этот сорняк, это болезненное непонятное чувство, которое вот как сейчас сбило все ориентиры и заставляет делать херню.

Отец тоже носит часы завода «Чайка», которые подарила мама. Не «Ролекс», не «Патек Филипп». И это несмотря на

то, что часы – первый показатель статуса человека. Но он настолько в себе уверен, что может, как Марк Цукерберг, ходить в шлепанцах и старых джинсах. Ну не на деловых встречах, естественно.

Родители – еще одна моя больная тема, которая косвенно и послужила разрыву с Аленой...

– Да, дядь Слав, что у нас? – Петрович меня вовремя отвлек от деструктивного наматывания соплей на кулак.

– Ситников хочет в аспирантуру в Питер свою дочурку устроить, она в медицинском учится. Нужны деньги.

– Всего-то? А мы предложим еще место в общежитии в студгородке. Придется поклониться Царю- батюшке.

– Ого! Ты готов, что-то просить у отца? Что-то новенькое!

– Петрович! Просят подаяние, милостыню. Я просто скажу, что буду признателен, если он поможет одной милой особе. Тем более он знает, что я не просил у него ни копейки, когда ведрами жрал кофе, закусывал сигаретами и не было денег ни на что больше. А не для себя мне не стыдно. И, во-первых, цель оправдывает средства, во-вторых, только дурак прется в гору, когда перед носом прямой тоннель. А сейчас мне дорого мое время, чтоб я отказывался от кратчайшего пути.

– С юношеским максимализмом расстался?! – подь*бнул дядька.

– Расстался, как только расстался с юностью. Спасибо, мой драгоценный помощник, – отсоединившись от род-

ственника, я тут же набрал отца. Глава медицинского холдинга, попечитель, благотворитель и еще много чего, тут же отозвался. Наверно, почувствовал, что сегодня великий день – строптивый отпрыск первый раз явился с поклоном.

– Степан Савельич, приветствую. Нужно содействие. Выбор пал на тебя, потому что только ты можешь решить вопрос мановением волшебной палочки.

Рот непроизвольно разъехался до ушей. Я представил, как мой скупой на эмоции седовласый сухарь старательно прячет самодовольную улыбку.

– Не помню, чтоб у нас в роду у кого-то было такое виртуозное умение сочетать в одном предложении комплимент и просьбу в виде одолжения? А, ты ж у меня юрист! Никак не запомню, что отпрыск славной династии медиков пошел учиться на крючокотвора. Ну что ж ..., в семье не без... отщепенца.

– Ну нормально ж общались?! Чего начинаешь-то? – ухмыльнулся я.

Созванивались мы с ним нечасто, еще реже виделись, но после того, как мир был восстановлен, я понимаю, какое это счастье, когда вынимаешь занозу из сердца. Это ни с чем не сравнимое чувство близости, душевного тепла.

Для порядка мы еще немного попрепирались, и я едва не кусал себя за язык, чтоб не проболтаться о своих планах относительно него, которые шли бонусом от мести Алене. Или Алена будет побочным эффектом?! Переизбыток идей что-

то у меня наблюдается...

Степану Савельичу не нужно было даже доставать волшебную палочку – хватило одного звонка, и мой единственный конкурент уже судорожно извиняется перед братом за срыв сделки. Ведь деньги решают далеко не все, а я уже «поступил» его ненаглядное чадо в аспирантуру с гарантией и крыши над головой.

В итоге через несколько дней у меня был заводик, нужный, если честно, как коту акваланг. Но главное – это первый шаг к осуществлению своего плана.

Пока цеха стояли, и я еще не решил, что с ними делать, рабочие продолжали свои отпуска без содержания. Бухгалтерию с отделом кадров и экономистами я вызвал к себе сразу же, как только были подписаны документы.

Никогда раньше мне не приходилось контактировать с людьми, не находящимися в прямом подчинении, а тем более кого-то увольнять. Но сегодня имидж бездушного олигарха – москвича нужно было отработать на «пять». Единственное, что не вписывалось в него – это мое крайне заинтересованное отношение к одной сотруднице. Но сейчас я уже был готов. Конечно, можно было бы и это дело спихнуть на Петровича, но я не хотел упустить ни мгновения, ни одного этапа своего мщения.

– Дамы, присаживайтесь, – я обвел безразлично – приветливым взглядом собравшихся. Конечно, Алену я мгновенно выхватил из группы. Сердце снова пропустило удар, но

я был уже готов к предательству своего тела. Я намеренно не задержал свое внимание на ней, весь ее облик и так за секунду отпечатался в мозгу. И пока женщины рассаживались, я, как по фотографии, в голове оценивал Алену. И как балзам на душу, каждый недочет ее внешности. Очень скромная одежда, явно дешевая и не новая. Серая юбка, явно не собирающаяся подчеркивать достоинства хозяйки, бледно-розовая блузка, застегнутая чуть ли не под горло. В принципе, сочетание цветов выигрышное, стильное, но босоножки, явно выдавшие виды, совсем испортили картину. На голове тот же узел, под глазами синеватые тени, а в уголках глаз мелкие морщинки не по возрасту. Очевидно от того, что кожа сухая. И черт, либо мое орлиное зрение меня подводит, либо у нее на скуле тщательно замазанный синяк! Кровь ударила в виски, так что я чуть не задержался с началом собственной речи. Я ему башку отобью!

Поймал себя опять на реакции тела – от бешенства дрогнули ноздри, как у разъяренного быка. Выдохнув, напомнил себе, зачем я здесь. Напомнил и не удержался – снова скользнул равнодушным взглядом и снова не задержался на Алене, лишь удовлетворенно отметил выражение ее лица – боязливая растерянность, осуждение и какая-то затаенная печаль. Да, я чувствую себя моральным садистом, потому что мне нравится ее вид. Чтобы не сбиваться с рабочих вопросов, я задавил на корню то, в каком ракурсе я еще хотел бы ее видеть – и в некотором роде уже увидел. Ну как задавил... пе-

рестук колес отчетливо прозвучал в голове.

– Итак, не буду ходить вокруг да около. Я знаю, какая обстановка с рабочими местами в городе, но помочь ничем не могу. Пока мы не сделаем переоборудование, завод не запустится. Когда это произойдет, сказать затрудняюсь. Поэтому будет честнее вам посоветовать стать на биржу и получить какое-то пособие. Я оставляю одного человека из отдела кадров, чтобы было кому известить о начале работы и собрать всех назад, и одного из бухгалтерии. Доделать расчеты. Преимущество у сотрудников предпенсионного возраста, так как им труднее всего устроиться, и матерям –одиночкам.

Нового они ничего не узнали, и не знаю, какое –там мнение обо мне сложили, только все молчали

ГЛАВА 8

– Савелий Степанович! У нас нет сотрудниц предпенсионного возраста и нет матерей – одиночек.

Ого, моя Алена отозвалась. Как же, как же! Спортсменка, комсомолка, активистка и просто красавица. Звук ее голоса бритвой полоснул по нервам – в нем отчетливо сверкнула обида, хотя голос ровный, на все сто соответствует статусу подчиненной. Или она думает, что я ее сейчас по старой памяти, забыв предательство, оставляю? Как бы не так!

– Значит, останется тот, вернее та, у кого больше детей, – будто машинально отвечаю я, равнодушно перелистывая личные дела, и выдаю вердикт.

– Смолкина Елена Сергеевна, двое детей. И Арефьева Анна Васильевна. С остальными мы расстаемся. Поверьте, по-другому никак. Всего доброго, – я поднимаю глаза от бумаг и «случайно» натываюсь на взгляд Алены.

Смотрю несколько секунд и наконец «узнаю». В то время как женщины скорбным ручейком вытекают из кабинета, я удерживаю свою бывшую любовь зрительным контактом.

– Алена? Ты как здесь оказалась? – я постарался не переборщить с размерами удивления, чтоб выглядело натурально. Бинго! Ресницы взлетели в изумлении, губы обиженно дрогнули, будто она в последний момент удержала какой-то вопрос. И я догадываюсь, какой. То, что я ее «не узнал» боль-

но ударило по самолюбию. Все предательницы свято верят, что те, кого они бросили, всю оставшуюся жизнь плачут горючими слезами, вспоминая растоптанную любовь. Отчасти она права. Эта любовь, как фантомная боль – вроде и не с чего, ампутировали ее, но жить мешает.

Про себя я усмехнулся. Ты никогда не узнаешь об этой боли.

– Я здесь работаю. Работала, – поправились она. – До того, как вы нас уволили.

– Это логично, раз я собирал сотрудников. Просто не ожидал, что невестка уважаемого человека, творческая натура вдруг окажется в таком непрезентабельном месте. Спасибо еще скажешь, что не нужно будет голову над циферками ломать. Ни за что не поверю, что ты нашла здесь призвание! И вообще, я убежден, что женщина, у которой есть муж, не должна работать. Заниматься домом, детьми, собой, с подругами потрещать – вот ее основная работа. Главное, что она должна, это быть счастливой.

Да, девочка моя! Я ударил по всем твоим болевым точкам! И то ли еще будет!

Все иголки моего дикобраза Эго удовлетворенно прижались к туловищу, выражая высшую похвалу мне самому. Алена стояла подавленная, нервно кусая губы и готовая вот-вот расплакаться.

– Я могу идти? – пытается гордо задрать подбородок, но это выглядит совсем как детская обидка. Жгучая обидка на

несправедливость мира.

– Разумеется. Я никого не задерживал, – равнодушно роняю я и едва не закрываю глаза от счастья. Действительно, месть – это то блюдо, которое подают холодным. Горячим ты будешь давиться, обжигаться, не имея ни малейшей возможности посмаковать, распробовать вкус победы.

Резко развернувшись, не прощаясь, Алена выскочила из кабинета. Беги, беги. . . Я теперь понимаю состояние кота, когда он, поймав мышь, дает ей иллюзию освобождения и как только она, счастливая, пытается юркнуть в норку, тут же придавливает тяжелой лапой мышиный хвост. Игра. Ради которой готов выкупить не только этот вшивый заводик, но и гораздо больше потратить.

Интересно, будет делиться с семьей впечатлениями, какой Строгов стал крутой и зажавшийся?

А зажавшийся и крутой Строгов купался сейчас в настоящей эйфории. Я чувствовал себя мальчишкой-пятиклассником, который терроризирует понравившуюся девочку. Дергает за косичку, тычет карандашом в спину, отнимает портфель, заставляя бегать за собой на переменах. Доводит до слез, в душе мечтая проводить домой, защитить от хулиганов и робко поцеловать в щечку.

Хотя тут же пришлось остановить полет фантазии. И остановиться лишь на детском варианте. Потому что вместо поцеловать в щечку, у меня вполне взрослая фантазия. До сих пор при одной мысли, как я жестко таранил Алену в купе

поезда, в паху сразу возникает шевеление. Как кадры из любимого фильма, я вновь и вновь пересматриваю сцены. Наматываю на кулак пепельные волосы Алены, насаживаю ее на свой член, вытираю ее произвольные слезы. Адреналин сразу закипает в крови, подталкивая к разработке дальнейших планов, которые со стороны могут показаться дьявольскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.